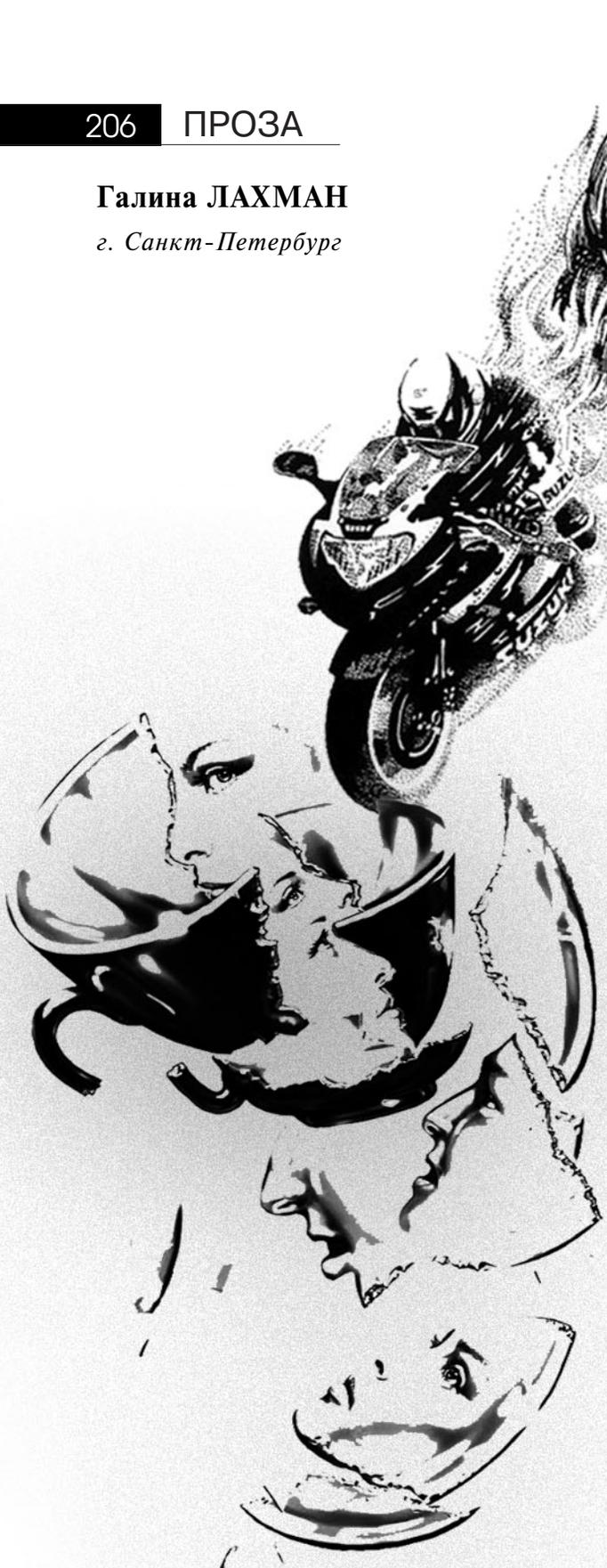

Галина ЛАХМАН

г. Санкт-Петербург

ХИТ-ДА

рассказ

Как пригревает солнце! Дурманит и копяняет воздух! Звонящей капелью, вороньим граем, мартовскими котами на оживающих черных ветках окна врывается весна!

Утро, ощущение надвигающегося конфликта. Неотвратимый, как наказание, приближающийся срок заказа.

– Если через неделю чертежи не будут лежать у меня на столе!.. Если к концу дня не увижу приемлемых эскизов!..

С шумом хлопает входная дверь, руководство отбывает на совещание. Общее оживление при отсутствии надзора, считалочка-выбор для похода гонца в близлежащий магазин.

В самом дальнем углу мастерской скрыт за ширмой приспособленный под чаепития журнальный столик. Здесь обсуждают дела насущные, отмечают праздничные события, плачут в жилетку и бездумно проводят время, когда не идет работа.

Не успели оглянуться – уже обед. Скисли, разбредаемся по своим местам, утыкаемся в мониторы. Рабочий энтузиазм плавится под лучами солнца, растекается лужей нежелания что-либо делать. Хватануть бы полной грудью весенний воздух, впасть в нирвану, анемичную физиономию подставить ласковому солнечному лучу!

– Ну ее к черту, эту работу! Пойдем погуляем, проветримся, прошвырнемся! Глотнем настоящего, свежемолотого, только что сваренного кофе.

После больничного – с ног сбивающее

известие: у Кирилла через неделю свадьба. Он увольняется и уходит в другую организацию, а на вакантное место взяли новенького.

Ну и чучело! Не верю своим глазам. Черная бандана, ботинки на крепком высоком ранте, черные, обтягивающие фигуру джинсы. Изпод черной вытертой кожаной косухи скалится с футболки веселый череп. Тату в виде небольших молний, идущих от уха к шее.

Эта символика мне знакома: байкерскую организацию «Ночные молнии» пресса и телевидение вниманием не обходят. Вот, оказывается, чей грязный байк примостился между иномарками моих сотрудников.

За моим компьютером, на моем месте развалился, чувствует себя как дома. Спинка кресла расшатана, у ножки отскочил ролик. На заляпанном блюде подаренная Кириллом чашка примостилась на самом краю стола. Раз! И по параболе взлетает в воздух, падая осколками у моих ног.

Наглая улыбка от уха к уху.

— Эка невидаль — чашка с Климтом! Пока твой приятель не освободил место, разрешили пристроиться на твоём. И чего так пялиться на мой прикид?! Из-за путинского приезда после дачи не смог попасть домой — вот и не переоделся.

Появившееся начальство выливает новый ушат воды: разработку проекта, начатого Кириллом, мне придется завершать с новеньким.

Что и говорить, предсвадебная неделя для меня испытание не из легких. На меня Кирилл старается не смотреть, да и я держусь от него подальше.

Валится все из рук, знобит, выше сорока подскакивает температура. Настоятельно советуют лежать, пить пилюли, полоскать горло — однокурсникам-то не придется объяснять своего отсутствия на свадебной церемонии.

Словно рыба в воде, освоился в коллективе, в отношении меня в него словно вселился бес! В экзерсисах Гордеева фигурирую как постоянный объект насмешек. И за каждое решение у нас война!

Скука, кома, коллапс, паралич мысли! Зацепиться не за что, бесплодные творческие потуги. Вряд ли стоит надеяться, что к концу дня в голове появится стоящая идея.

— И видуха, надо сказать, у тебя, Хип-па! Налицо кризис мысли и кризис духа. Ну, какой прок тупо, без толку просиживать штаны? Пригубим на свежем воздухе глоток свободы — глядишь, проклюнется какая-нибудь идея.

С легкой руки Гордеева идиотское прозвище Хип-па сразу намертво ко мне прилипло. Чтобы преодолеть застенчивость и научиться легко и свободно двигаться, хожу в вечернюю школу танцев.

— Еще раз назовешь меня Хип-па!.. Просто не представляешь, что я с тобой сделаю! И отстань от меня со своим хип-хопом! И продвинутые сегодня танцуют локинг!

— Надо же, разбираешься, Хип-па! Не злись! Ну, хочешь, станцуем вместе?!

Как назло, Гордеев не только гонщик, танцы его основное хобби. В Интернете размещены клипы, где Гордеев танцует с Римантасом и Фиделем.

— На какие шиши собираешься прошвырнуться?! Часть работ отложена на неопределенный срок, а заказчики просят отсрочить выплаты.

— Не бери в голову, Хип-па! На широкую ногу, естественно, шиковать не будем! Победаем, выпьем кофе, конечно, в долг! Не журишь, в округе меня каждая собака знает!

— А вернется и не застанет — и что потом?!

— Напрягись, пораскинь мозгами, или у твоей извилины отсутствует нужный прогиб? Дел сегодня ну просто невпроворот. К концу дня ну никак не обернется!

Хорошо бы так! Но начальник совсем не прост, всем известны его повадки: объявить, что будет отсутствовать весь день, и прийти на работу к ее началу. До конца рабочего времени явиться минут за пять с исключительной целью удостовериться, гибнут ли в муках у своего станка, а не раньше времени по домам слиняли трудяги-карлы?!

Парусником свободы лифт отсчитывает этажи. Негодующий вопль вахтера, выстрел хлопающей входной двери, обжигающий, пьянящий весенний воздух.

— Навигатор! Куда мы все-таки держим путь?!

— За углом недорогое кафе с хорошим кофе!

И Кирилл, и Гордеев — один типаж, одного возраста, одного роста. Но Кириллу подобное и в голову не могло прийти, у него, в отличие от Гордеева, твердые правильные установки: на работу — вовремя, с работы — исключительно по звонку. Сдержанный, воспитанный, корректный.

Не остановить — завелся! Господи, он же с ума сошел! Посещение ресторана обойдется нам в месячную зарплату. Кормят-поят, в особую тетрадку заносят долг. Вновь по кругу: расплатимся, как только — так сразу.

Чувствую невиданную раскованность и подъем. Вот уж правда, пьяному море по колено! Откупоренная бутылка шампанского переходит из рук в руки.

Начинает горланить пиратский гимн.

— Йо-хо-хо! Йо-хо-хо! Пятнадцать человек на сундук мертвеца и бутылка рома!

В Городском комитете по архитектуре сегодня приемный день, носом к носу сталкиваюсь с бывшими однокурсниками. Изумленно-чопорно отвечивают поклон, тесен мир — работали с Гордеевым в одной конторе.

— Что, пай-девочка, скомпрометировала себя? В дурном обществе, то есть со мной, в обнимку! Ну, Хип-па, затягивай, подпевай! А еще лучше — давай станцуем!

«Пусть город знает, с кем он тусует! Где лучшие подруги? У нас в клубе! Где самые красивые девочки? У нас в клубе!..»

Подражая Тимати, пританцовывает вокруг меня.

На Большой Конюшенной тусуются вокруг человека в черном. Боливар, тросточка, щегольской сюртук, лакированные на каблуках ботинки. Артистично жонглирует перчатками и цилиндром, виртуозно и ловко бьет четку. Неожиданно подлетает к нам, предлагает станцевать вместе.

«Пусть город знает, с кем он тусует! Где лучшие подруги? У нас в клубе! Где самые красивые девочки? У нас в клубе!..»

И хотя уроки танцев не прошли даром, праздник жизни настойчиво отравляет мысль: на работу не мешало бы и вернуться.

Плохо так, что даже не шелохнуться. Слово налитую свинцом голову от подушки не

оторвать! Разбудить некому, родители в отпуске и с собакой живут на даче. На работу опаздываю минимум часа на два.

Дверь в кабинет начальника открыта настежь. Ясно: за вчерашнее разборок не избежать.

— Хватит играть в молчалиников, будто бы в рот воды набрали! Хватит сверлить глазами пол!

Оторопь берет, неужто было? Нагрубили дежурному?! Устроили пьяный дебош на вахте?! Что там я, Гордеев и тот почти ничего не помнит!

— К чертовой матери! Выгоню! Уволю! Вот погодите, сдадим заказ, вот и запляшете, когда разберемся с вами!

Трудовые будни проходят под знаменем немислимых трудовых свершений, не разгибаем спин, не отрываем от мониторов глаз. Под неусыпным контролем злобствующего наставника без препирательств и возражений работаем в выходные.

Стахановцы! Злобины! Паши Ангелины! Первопроходцы! В мастерской ни души, а мы на рабочем месте. Все гурьбой по домам — остаемся за производственными станками.

Ситуация складывается как нельзя лучше: после споров и препирательств приходим к единству взглядов, договариваемся с заказчиками о переносе сроков.

Не прочь раскошелиться и увеличить сумму. Сыплют лстивыми похвалами, с удовлетворением потирают руки, заграничными имплантатами улыбаются во весь рот.

— Пусть это послужит для вас уроком! Выкинете хоть раз что-нибудь подобное — уволю!

В наимрачнейшем расположении духа сую в бумажник полученный гонорар! А вот Гордеев умеет держать удар, никто и не скажет, что он расстроен.

— Хип-па! У меня для тебя сюрприз: идем сегодня смотреть «Служанок».

Подумать только, действительно, сюрприз! У Виктюка гастрологи всего неделю, из-за «Служанок» в городе настоящий бум.

Хотя до спектакля еще полтора часа, несемся домой к Гордееву, он в спешке забыл билеты!

Как две капли воды похожая на него девочка по-гордеевски язвительна и языкаста. Не спускает с меня любопытных глаз, отпускает

колкости и насмешки по поводу новой пассивности ее брата.

Черный с рыжими подпалинами зенненхунд следует по пятам за своей хозяйкой! Надо же, у нас собаки одной породы! Предлагаю в ближайшее воскресенье вместе с четвероногими прогуляться в парке.

Из-за спины показывает сестре кулак, недовольно цедит: по выходным занят. В качестве попытки сгладить возникшую неловкость предлагает выпить по чашке кофе.

Раз! И бурое пятно расплзается на голубых джинсах. Весело рассказывает сестре, как расколошматил вдребезги мою любимую чашку с Климтом.

Что и говорить, спектакль — сплошной восторг. Зал неистовствует, актеров долго не отпускают. После театра берет такси и расплачивается за меня с шофером.

— Не опаздывай, числимся в штрафниках. Бегу прогуляться с меньшим собратом.

И опять наваливается тоска: вот Кирилл, конечно бы, проводил до дома...

День за днем провожу в хождениях по отделам, по замечаниям смежников корректирую чертежи.

— Где ты бродишь! Стоит тебе уйти — тут же наведывается Облезлая Обезьяна.

Кирилла Гордеев на дух не переносит, не отпускает случая пройтись на его счет. Придирки Гордеева меня изводят, не покидает чувство, что он прокатывается и в мой адрес.

— С чего вдруг все время пытаешься его достать? А может, ты просто ему завидуешь?

Снисходительно смотрит сверху вниз, я на целую голову ниже ростом.

— Ну, знаешь ли, ты даешь, Хип-па! С чего мне собственно ему завидовать? Большой успешности за чужой счет или большой любви за большие деньги? — подражая диктору, меняет голос: — Единственная наследница ресторанный империи Тонконоговых сочетается браком с молодым преуспевающим архитектором. По словам талантливого избранника, разница в возрасте в пятнадцать лет не преграда большой любви.

Что тут говорить, умелый двойной намек: и внезапная свадьба, и затеянная против меня

Кириллом тяжба. Неожиданный для меня сюрприз — спроектировать гостиницу в историческом центре города. Рассусоливать некогда, необычайно короткий срок, и Кирилл под завязку задействован на другом объекте. Мы проектируем с Кириллом в паре, поначалу разрабатываем каждый свою идею, затем варианты сравниваем, лучшее объединяем. Выросшие за спиной крылья подрезает припасенная к бочке меда изрядная ложка дегтя! Ходят слухи, тандем с Кириллом прикрывает мою творческую несостоятельность. Закусив удила, работаю не покладая рук.

Будто здесь и был! Придуманный мною домик органично вписывается в окружающую застройку. Без особых усилий получаю согласования нужных ведомств, в комитете по архитектуре с одобрением и разрешением на строительство прохожу Совет. Муза накрывает меня крылом, с мастерской подписывают договор на дальнейшую разработку. И теперь часть сотрудников, Кирилл и я в поте лица ломаются над заказом.

Раз в году Союз архитекторов объявляет развернутый смотр-конкурс. Ставка в этот раз достаточно высока — победитель едет во Францию на биеннале.

Подготовленные к конкурсу фотографии лежат на моем столе, но до оформления никак не доходят руки. Ломит тело, течет из носа, словно засыпанные песком, глаза слезятся. По закону подлости, на пике занятости сваливаюсь с жесточайшим гриппом.

— Не надоело чахнуть, пора вставать! С тебя причитается, всем натянула нос! Порвала соперников, как тузик грелку!

Новость сногшибательная — еду на биеннале! Гордеев, ни слова не говоря, оформил и выставил на конкурс мои подрамники.

После визита в клинику к лечащему врачу с бутылкой шампанского и купленным в «Севере» шоколадным тортом решаю незамедлительно отправиться на работу. Негласное правило мастерской — проставиться за творческие успехи.

В углу за ширмой бушует накал страстей — оказывается, Кирилл с сотрудниками оспаривает авторство моего проекта.

Желающих поучаствовать в разбирательстве набирается полный зал. Бесстрастное выступление руководства по поводу творческого конфликта, затем наступает очередь противоборствующих сторон.

— Ни одного самостоятельного проекта, она всегда работает со мной в паре!..

Все плывет, я даже не различаю лиц, не хватает воздуха, бьется толчками сердце. Много лет нас дразнили, что мы не разлей вода. Кто бы мог подумать — я этого парня совсем не знаю!

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца...» Десять авторов — на один объект. Дом придуман и разработан мной одной, на больничном пришлось дорабатывать фасады. На меня накатывает чудовищная усталость, совершенно не узнаю свой голос:

— Сколько авторов: один или один десяток лиц — для меня не важно, главное: гостиницу построят.

Публика разочарована, спектакль не удался, не борюсь за авторство, и показательного судилища не будет. Ощущение — будто вывалили в грязи. Вот тебе и поездка на биеннале!

Гордеев крепко держит меня за локоть, предлагает наведаться в тепленькое местечко.

Музыка грохочет на всю округу. Молодежь у входа теснит охранников. Клуб «Железка» — модный престижный клуб, и туда невозможно достать билеты.

Металлические перфорированные листы на стенах. Металлические лесенки с площадками на разных уровнях. Необычно и очень удобно для разных шоу, по приему схоже с Перровской библиотекой!

Римантас и Фидель, лидеры отечественного брейк-данса, вместе с Гордеевым устраивают сумасшедший батл.

«Где самые красивые подруги? У нас в клубе! Где самые красивые девушки?! У нас в клубе...»

Клуб популярен у городских байкеров, и среди присутствующих полно мужиков в кобурах. Председатель клуба «Ночные молнии» Врачеватель вклинивается в круг танцующих, вместе с ними начинает танцевать джигу. Кто бы мог подумать, четверка — закадычные друзья детства!

От поклонниц Гордеева и здесь никуда не скрыться. Окружают кольцом, целуют, вешаются ему на шею. Оттирает меня плечом, пытается составить пару — на Гордеева Соня имеет виды. Все бы ничего, но до чего же классно она танцует!

С ревом рвущего тишину байка ранним утром подвозит меня к подъезду. Взбеленившись соседи высовываются из окон, утром будут судачить и перемывать мне кости.

— Должен сказать, ты только не обижайся! Танцы, Хип-па, не твоя стихия!

Человеку, такого же, как и у меня, роста, просит помочь купить в подарок велосипед. Удивляюсь: велосипед! Не стринги для стриптизерши Сони?

Пропускает саркастические насмешки мимо ушей, говорит, что надо поторопиться. Ярко-синий легкий складной красавец тотчас решено доставить по назначению.

Пахнет чем-то невообразимым: скисшей капустой, собаками и котами, детскими пеленками, молочной смесью.

Лет пятнадцать, может, немного больше... Причитает: ее мечта наконец сбылась. От подарка просто захлебывается от счастья. Одутловатое бесформенное лицо, толстая шея, блуждающая улыбка, под набухшими веками — широко посаженные глаза. Страшная вещь генетика: ребенок-даун.

Пока хозяйка и именинница накрывают стол, кладет на тумбочку у кровати конверт с деньгами. Видела: по конвертам раскладывал гонорар.

«Молнии» отмечают десятилетний юбилей клуба. Пресса и телевидение захлебываются в гневных выпадах, байкерские мотопробеги — угроза жизни водителям и пешеходам.

Вижу Гордеева только в часы работы. Хмурый, прихрамывает, ладони ссажены, ссадины на щеке и на подбородке.

У Кирилла собственное архитектурное бюро. К нам наведывается довольно часто, более высокой заработной платой соблазняет сотрудников перейти к нему. Каждый его визит — очередной удар по моему болезненному самолюбию. Сколько ни хорохорься — прошлое не отпускает.

— Ну, опять раскисла после визита писаного красавца! Да он просто амеба! Что ты в нем нашла? Хочешь добавить адреналина, взглянуть, как ездят крутые парни?

Пятничный вечер — чего же не согласиться. Белые ночи, светло как днем, в сторону строящегося микрорайона на запретной скорости мчимся по автостраде.

Время позднее, но на трассе полно народу, и число участников и зрителей прибывает. У разметочной черты тусуется знакомая группа байкеров. Настоящий тотализатор, перед каждым заездом делаются ставки.

Маг, Гордеев и Врачеватель — фавориты гонки, основная борьба разворачивается между ними. Среди байкеров у Мага плохая слава, он нечистоплотен в достижении своих целей.

Страсти накаляются. Заезд и еще заезд! Маг намеренно подрезает идущего впереди соперника. Потерявший управление мотоцикл взлетает в воздух, гонщика выкидывает за обочину дороги. Зрители стремительно разбегаются по машинам. В числе первых Маг уносится на своем байке.

— Не хочу тебя больше знать, придурок! Ради денег так рисковать жизнью?! Ты же архитектор, зачем тебе эти гонки?!

Серые крапчатые глаза наполнены ледяным блеском.

— Деньги — это жизнь и, как ни странно, решают все! Нам, ты знаешь, не слишком платят.

Никаких контактов, общение исключительно по работе. Почерневший, осунувшийся, с ввалившимися глазами говорит по мобильному телефону:

— Перевели из реанимации в палату, на Германию и операцию теперь хватает.

Пятница — короткий день, через час — звонок — и мы на два дня свободны. С заговорщицким видом в коридоре преграждает путь.

— Не слабо, Хип-па?! Я все-таки сделал Мага! Давай вечером оттянемся на всю катушку!

Пачка стодолларовых, навскидку — так тысяча пять. Стиль Гордеева — очередной розыгрыш. Это только с виду солидная сумма. Сложенные наподобие пресловутой куклы доллары достоинством в единицу прикрывают с двух сторон стодолларовые купюры.

— Где лучшие подружки? У нас в клубе! Где самые красивые девушки? У нас в клубе! Ну, Хип-па! Давай завалимся вместе в клуб. Пропоем осанну удачным гонкам!

— Не получится, меня ждут на семейный ужин. И вообще, я тебя не желаю знать, придурок!

Закрутили гайки, выдали магнитные пропуска, посетителям мастерской установили дни и часы приема. А до этого у нас постоянно толпились девушки.

Факты налицо: Гордеев не пуританин. Плевое дело — на улице завязать знакомство, мимоходом вскружить голову очередной даме.

Пятница — официальный приемный день, посетители свободно минуют вахту. Норковый полушубок, высоченные каблуки, ноги от ушей, колготы со стрелкой в сеточку. Гибкая, наглая, эффектная, лучшая стриптизерша в центральном клубе. Выбранную жертву нацелена порвать в куски.

— Я беременна от тебя, Гордеев! Не отвертись, обязан на мне жениться.

— Уморила! Ну, ты даешь! Да с какого-этакого перепугу?! Если и беременна, то точно не от меня. Я за безопасный секс, конечно же, против СПИДа. И без этого в супружескую кровать не лягу.

Серебристую шуршащую упаковку достает из внутреннего кармана. В верхнем ящике гордеевского стола вперемешку с ручками, скрепками и карандашами свалены пакетики и коробочки с кондомами.

— Не надоело бессмысленную комедию ломать?! У меня ребенок, и я женат. Поищи-ка лучше другую пару!

Шок у Сони и у меня — да у всех! Я же этого ничего не знала.

— Ну, женат, по глупости, не по любви! Десять лет как числюсь в законном браке. Все из-за того, что чокнутая, как ты, Хип-па, вышла замуж за моего друга! Ночь гудел, очнулся, не понял, куда попал. Девочка скукоженная, ревет белугой, причитает, папаша ее убьет, что у них в семье с этим делом строго. Дальше догадываешься?! Как порядочный гражданин — марш Мендельсона, кандалы Гименея! Зарегистрированы, живем раздельно, в выходные — воскресный папа.

«Эх, мама-мама, я схожу с ума! Ее улыбка самая прекрасная...»

– Что-то я не понял тебя, Хип-па! Ты ведь так и сохнешь по недоделанному красавцу?! Не передумала, а то пойдём?! Отпразднуем день откровенности и все такое!

Никого не впускаю в комнату, в выходные не выхожу из дома, просматриваю страницы и сообщения желтой прессы.

На приеме – в дорожном костюме, шикарном платье; в белоснежной рубашке и модных шортах – Кирилл с Амалией на Сейшелах. А еще недавно в накомарниках и резиновых сапогах мы месили грязь по дороге на Кено-озере. И хотя Сейшелы не Русский Север, но Кирилл совершенно не выглядит счастливым, и Амалию красавицей не назовешь.

– Телефон надрывается, возьми же наконец трубку! Звонит с поручением твой начальник.

С утра отправиться на Гражданку забрать чертежи, размножить и отвезти на стройку! Не слушает возражений, прощается и кладет трубку.

Родители неожиданно закатывают скандал.

– Молчим, но устали от твоих подвигов! Едва не умерли от стыда! Знакомая с Гордевыми сотрудница встретила вас на Невском!

Ты хоть знаешь, какая у них семейка?! Сынок-шалопут, у отца – внебрачная дочка-

даун. Как сорняк, папаша на содержание за всю жизнь не дал ни одной копейки. Глаз да глаз бы, так нынче недоглядели, прямо во дворе на велосипеде ее сбил КамАЗ. Остынь! Одумайся! Что на тебя нашло? Совсем потеряла голову? Держись от него подальше!

В мастерской появляюсь только после обеда. Компьютер выключен, Гордеев отсутствует на рабочем месте. В кафе сотрудники кадастрового отдела при виде меня понижают голос.

– Каких-то двух девушек пригласил в кафе. Имел при себе солидную пачку денег. Причину гибели пока что не установили... Одни говорят, что в крови обнаружили клофелин, другие – якобы накурились спайсов.

Скорее всего, все досужие разговоры. В последнее время он мало спал, ночами участвовал в гоночном тотализаторе. И, что удивительно, правил не нарушал. Наемный придурок футбольного клуба оставил без авариек разбитый автомобиль.

Кто б мог подумать, что клуб «Железка» не чье-нибудь, а гордеевское творение.

«Эх, мама-мама, я схожу с ума...»

□

Галина Иннокентьевна ЛАХМАН

родилась в г. Магнитогорске.

Окончила архитектурный факультет Института живописи,

скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина

при Российской академии художеств.

Член Союза архитекторов России.

Пишет стихи, прозу.

Автор поэтического сборника «Солнечные сети» (2010).

Публиковалась в периодических изданиях,

в том числе в журналах «Изящная словесность», «Нева».

В журнале «Север» публикуется впервые.

